

ЗОЛОТО МЕРТВЫХ

Ариадна Фальк

Ариадна Фальк

Золото мертвых

<https://litres.ru/73908949>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сбегая от рухнувшего брака, переводчица Анна укрывается на отдаленном острове в Карелии. Местные обходят Калмисаари — Остров мертвых — стороной, но Анне нужна только тишина и работа над книгой о саамских легендах.

Однако древние мифы не желают оставаться на страницах. Кто-то невидимый оставляет дары у каменного сейда и водит странные хороводы, оставляя следы, которые то появляются, то исчезают. С каждой ночью Анна все отчетливее понимает: остров не пуст. Он кого-то ждет.

Тело, которое она находит в болоте, — лишь начало. Теперь Анна — не просто случайная гостья. Она — приманка. И золото мертвых, спрятанное на Калмисаари, готово забрать свою плату с живых.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ариадна Фальк

Золото мертвых

Аннотация

Сбегая от рухнувшего брака, переводчица Анна укрывается на отдаленном острове в Карелии. Местные обходят Калмисаари — Остров мертвых — стороной, но Анне нужна только тишина и работа над книгой о саамских легендах.

Однако древние мифы не желают оставаться на страницах. Кто-то невидимый оставляет дары у каменного сейда и водит странные хороводы, оставляя следы, которые то появляются, то исчезают. С каждой ночью Анна все отчетливее понимает: остров не пуст. Он кого-то ждет.

Тело, которое она находит в болоте, — лишь начало. Теперь Анна — не просто случайная гостья. Она — приманка. И золото мертвых, спрятанное на Калмисаари, готово забрать свою плату с живых.

Золото мертвых — не для живых.

Саамская пословица

Пролог

По глади озера скользил прогулочный катер. На борту было четверо: хозяин катера за рулем и его помощники. Они закончили катать туристов, засиделись в местном кафе допоздна и возвращались домой. Трезвым оставался только лоцман: он знал озеро вдоль и поперек, но ночью возможно всякое, лучше сохранять ясную голову. Ночью на озере никого не было: все хозяева лодок уже закончили свои дела и давно спали дома.

Тьма над водой была плотной, как смола. Лоцман, пожилой карел по прозвищу Кукка (что в переводе значит Чайка), клевал носом и вел катер почти на автопилоте. Его молодые помощники болтали и смеялись. Они были в прекрасном настроении — в отличие от Кукки. Вечно ему приходится отвечать за всех.

Будто услышав его мысли, один из парней сказал:

— Кукка, чего молчишь? Не расстраивайся, в следующий раз я поведу, а ты гульнешь, идет?

Раздражительный Кукка фыркнул и уже собирался сказать что-то ехидное, но не успел. На них обрушился звук, протяжный, низкий и страшный, как будто кричал раненый великан. Парни разом замолчали.

— Что за черт? — пробормотал Кукка.

Он выключил мотор. Звук не прерывался и становился

громче.

Кукка обернулся к парням. Они таращились на него с удивлением и растерянностью, им было явно не по себе.

— Кукка, откуда это? — спросил один. — Никаких лодок нет, берег далеко... Вроде бы сирена?

Подумав, Кукка определил, откуда идет звук. Неужели...

— Остров, — сказал он. — Это с острова.

— Да там же нет никого, кроме призраков! Поехали домой, зачем ты выключил мотор?

Кукка покачал головой.

— Я слышал, сейчас там кто-то живет. Наверно, просят помощи.

— Да ты не найдешь этот остров впотьмах, поехали домой! — подал голос другой. — Какая помощь?

Ревун неожиданно замолчал. Кукка завел мотор и направил было лодку в сторону их деревни, но тут тьму прорезал ослепительный свет.

— Это еще что? — испуганно спросил один из парней.

Кукка пожал плечами и сменил курс. Катер двигался в сторону источника света.

— Блин, это маяк, — дрожащим голосом сказал другой парень. — Маяк на острове! Он не горит лет двести! Куда ты прешься, Кукка, поворачивай!

Но Кукка не слушал. Уверенной рукой он правил лодкой, и вскоре они увидели остров. Маяк стоял недалеко от обрывистого берега, свет заливал и остров, и воду.

— Смотрите! — закричал один из парней, показывая рукой на маяк. — Там кто-то есть!

На верхушку маяка карабкалась женская фигура. Ступени и перекладины скрипели, ветер трепал волосы и одежду женщины, ноги ее скользили, но она продолжала движение. Следом за ней двигался мужчина, явно не с добрыми намерениями. Его рука почти схватила ногу женщины, но она высвободилась резким рывком, едва не упав.

— Эй! — закричал Кукка. — Мужик! Отвали от нее!

Парни уже выбрались на берег и бежали к маяку. «Не успеют», — подумал Кукка. Сейчас этот псих сбросит ее, и она разобьется. Женщина уже забралась на полуразрушенную верхушку маяка и крепче вцепилась в деревянную перекладину. Мужчина остановился. Он устроился поудобнее на перекладине и закурил. Порывы ветра рывками относили дым в сторону. Может, успокоился наконец? А может, эта женщина не в себе, а он хочет ей помочь? Но тут мужчина полез в карман, достал оттуда пистолет и выстрелил в женщину. Деревяшку совсем рядом с ней разнесло в щепки, но женщина только крепче уцепилась за перекладину. Мужик промазал. Кукка и парни остановились в растерянности. У них не было оружия, а наверху был сумасшедший с пистолетом. Поди знай, сколько у него патронов.

— Эй, мы все видим! — кричал Кукка. — Звоним в полицию! Слезай, придурок!

Мужчина даже не посмотрел в их сторону. Он снова су-

нул пистолет в карман, ухватился за перекладину и двинулся вверх.

Кукка кричал и матерился, но вдруг онемел от изумления. Из воды, как в замедленной киносъемке, поднялась огромная волна. Она будто росла прямо из озера и двигалась к маяку. Парни тоже ее увидели, таращились на растущую стену воды с разинутыми ртами. Все выше, выше... И вот волна сравнялась высотой с маяком, подросла еще чуть-чуть, нависла над верхушкой — и всей силой обрушилась на него. Кукка слышал чей-то слабый крик. Волна отхлынула назад, унося с собой людей и обломки маяка. Когда вода ушла, на месте маяка больше ничего не было.

— Охренеть... — прошептал Кукка сквозь стучащие зубы.

Глава 1

Катер рассекает воду, время от времени шлепая носом. Вдали виден скалистый обрывистый берег — сосны и песок. Анна опускает руку в воду и видит, как за ней тянется след. Так было в детстве: простые радости, новые открытия, радость и удивление от того, что видишь вокруг. На воде от всего остается след, чертит его и нос катера, в который бьют волны. Ветер крепчает.

— Далеко еще? — спрашивает Анна.

— Полчаса, — одновременно отвечают ей двое мужчин.

Анна смеется. Впервые за несколько месяцев у нее прекрасное настроение.

Она едет на остров на Онежском озере, где сохранились остатки старого маяка и старого домика. Возможно, на все лето, возможно, управится раньше. Подальше от недавних событий, которые нужно забыть.

— Когда вас забрать? — спрашивает хозяин катера. — Я могу остаться тут и подождать, или вернуться вечером.

Местные жители зависят от туристов, любителей дикого отдыха. Их катера — озерные и речные такси, везут туда, куда не доберется ни один внедорожник.

— Меня подождите часок, а девушка остается.

Хозяин катера удивленно оглядывается. Он хочет что-то спросить, но потом, видимо, решает, что капризы туристов

его не касаются.

Наконец прямо по курсу показался остров. Остатки маяка можно разглядеть издалека. Обрывистые берега, у воды — гладкие камни, «бараньи лбы». Хозяин катера ловко причаливает, и все вместе помогают ему затащить катер на берег.

Алик, знакомый Анны, подхватывает пару больших сумок, надевает рюкзак. Анна берет несколько оставшихся баулов, и они идут в направлении маяка. На секунду она оборачивается. Хозяин катера молча смотрит на них, его лицо ничего не выражает. У Анны мелькает мысль, что точно так же он смотрел бы на них, если бы они разделись догола или пали на колени, распевая молитвы. Местные жители насмотрелись всякого, удивить их трудно.

По дороге Алик говорит:

— В домике я сделал небольшой ремонт. Тебе будет удобно. Завез матрасы, постельное белье, есть удобный генератор — я его основательно запер в подвале, чтобы никто не позарился. Похоже, зря волновался: за все время, что шел ремонт, сюда никто не сунулся. И рабочих пришлось искать в Петрозаводске, местных не уговорить. Разбаловались со своими катерами и организациями туров. Снаружи есть деревянная купель, если лень будет купаться с берега или погода не позволит. Наливаешь теплую воду, смотришь на озеро и греешься. Ну или моешься, как захочешь. Да вот она, мы, собственно, пришли.

Анна разглядывала бревенчатый дом, сложенный из мас-

сивных бревен. Судя по всему, ему больше ста лет, но построен он добротно и основательно. Правда, складывалось ощущение, что дом уходит в землю: крыльцо было низким, и оконные проемы как будто опущены к земле. В них были вставлены новые пластиковые окна, которые смотрелись как что-то чужеродное.

Алик открыл дверь.

— Вот, полюбуйся.

Анна с любопытством разглядывала интерьер. Большая печь, большой деревянный стол на всю семью. Скорее всего, отреставрировали тот, что остался от прежних хозяев, а не завезли новодел. Несколько массивных стульев из той же оперы, вышитая скатерть, какие-то коврики на полу и стенах.

Они пошли по домику, в котором оказалось четыре больших комнаты. Алик рассказывал, что планировал запускать сюда туристов, заманивая их местной мистикой, — один заброшенный маяк чего стоит. Но не так далеко уже есть мыс Бесов Нос с Бесихой, куда уже налажен туристический поток. А сюда плыть намного дальше, поблизости лишь одна мертвая деревня и одна с парой-тройкой жителей, в основном стариков, которые и слышать не хотят о том, чтобы возить сюда туристов.

— Это почему? — удивилась Анна.

— Какие-то местные суеверия, что ли... Да и туристам еще надо сюда добраться, чтобы их перевезли. Я планировал купить домик в деревне и сам заняться экскурсиями, да как-

то постепенно пропало желание. Перегорел, не тянет больше этим заниматься.

— А этот домик у кого купил?

— Он ничей. Выкупил участок со строением у местной администрации. Думал весь остров взять в аренду, рыбалки устраивать, местом силы объявить... Но логистика уж очень неудобная. Слава богу, вовремя остановился. Домик стоил гроши, поскольку ничей, а аренда встала бы в копеечку. Буду пока сдавать на лето. Тем, кто ищет полного уединения.

— Ничей? Как это?

— Да обыкновенно. Старики умерли, дети уехали и растворились где-то в городах давным-давно. Может, и этих детей уже лет сто как нет в живых.

Он внимательно посмотрел на Анну.

— Слушай... Если тебе тут стремно, может, вернемся вместе? Мало ли — привидение какое почудится, катер с пьяными дураками причалит, а ты тут одна. Правда, за все время ремонта здесь не было ни души. Но тем не менее... Хотя ты всегда можешь от них запереться и позвонить мне... Или в полицию. Мобильная связь тут работает, хоть и слабо, мобильный Интернет тоже слабоват, конечно... Но можно подловить, если найти правильное место. В общем, думай. Лодка тут есть, на приколе с другой стороны острова. Чтобы ты не зависела от других. Есть и несколько сапов, думал сдавать напрокат.

— Понятно, — поспешно сказала Анна. — Ты поезжай,

не беспокойся.

— Погоди... Так не терпится от меня отделаться? Вот, смотри: тут, в коридоре, мини-электростанция, она запитывает аккумуляторы. С электричеством в доме проблем не будет. Туалет — био. Мыться — в купели, есть еще летний душ. Во дворе полная дровница под навесом, похолодает — затопишь печь. Приколол рядом с печью инструкцию, как это делать — на всякий случай.

— А маяк? Горит?

Алик помотал головой.

— Нет, бог с тобой. Там и гореть-то нечему. Ему сто лет в обед, никто уже не помнит, когда он горел последний раз. Пойдем, прогуляемся к нему.

По дороге Алик рассказывал, как собирался реставрировать и маяк, но вовремя одумался.

— Посмотри сама, — сказал он. — Его надо заново строить. Он деревянный, построен при царе Горохе, может, при шведах или финнах... Или еще при ком-нибудь.

Они осмотрели маяк снаружи и вошли внутрь. Из комнаты, в которой сохранилась крыша, вела лестница на чердак, а оттуда — на самый верх маяка. Пол нещадно скрипел, как и лестница. Анна попробовала подняться, но почувствовала, как ступени ходят ходуном, и передумала.

— Лучше не поднимайся, — сказал Алик. — Упадешь — костей не соберешь, и кто будет тебе помощь оказывать? Особенно если под рукой не будет телефона... Вот, соб-

ственно, и все. Гуляй, осматривайся, переводи свой эпос или что там у тебя. Будь на связи. Если будешь молчать пару дней, пришлю к тебе десант или сам приеду.

Анна улыбнулась. Она подумала, что Алик забудет о ее существовании, как только доберется до Питера. Хотя как знать? Может, она к нему несправедлива?

— Спасибо, — сказала она. — Пойдем, я тебя провожу. Как-нибудь разберусь. Если что-то пойдет не так, позвоню. Запомнила.

— Вроде все сказал... да, тут есть еще домик — за лесом, в глубине. Там вообще ничего не делалось, руки не дошли. Да и не решил еще, как его использовать. Надумаешь прогуляться туда — держись левой стороны. Хотя там делать-то особо нечего.

Они спустились к катеру. Его хозяин сидел на камнях и курил. Когда Алик забрался на катер, он неожиданно обратился к Анне, с которой всю дорогу и словом не обмолвился:

— Вы уверены, что хотите остаться?

Голос его был неожиданно приятным: низким, глубоким. Серые глаза смотрели прямо на нее. По загорелому грубоватому лицу тянулся шрам от виска до подбородка.

— Уверена, а что? — удивилась она.

— Вы знаете, как называется остров?

Анна смотрит на Алика.

— Как он называется?

Алик пожал плечами.

— Да хрен его знает. Я искал остров с заброшенным маяком, мне его и показали. Кончается вроде на «саари» или как-то так.

— Калмисаари, — сказал мужчина.

По коже Анны внезапно пробежал холодок, будто ветер забрался под воротник.

— Калмисаари, — повторил мужчина. — Остров мертвых. Живым здесь нечего делать.

Анна в недоумении смотрела на него. Ему-то что за дело?

— Ты чего? — обратился Алик к мужчине. — У меня тут рабочие вполне благополучно жили пару месяцев. И до сих пор живехоньки. Не пугай девушку.

Мужчина, проигнорировав Алика, снова обратился к Анне:

— Я помогу перенести вещи обратно в катер. Уедем все вместе.

Анна рассмеялась. Уж не думает ли он, что ее отпугнет название?

— Мне подходит. Я остаюсь.

— Уверены? — спросил мужчина.

Секунду Анна колебалась, но потом решительно покачала головой.

— Да езжайте вы уже, господа, — устало ответила она. — До свидания.

И пошла в сторону маяка.

«Ага, сейчас, — думала она. — Я тащилась в Петроза-

водск, потом в глухую деревню, потом плыла бог весть сколько — и все ради того, чтобы сложить вещи обратно в лодку и вернуться из-за дурацкого названия».

Ну Остров мертвых, и что? Ей подходит. Она и сама с недавних пор не вполне жива. Может, здесь, на Калмисаари, прежняя Анна умрет окончательно, а вместо нее появится кто-то другой.

Глава 2

Разложив вещи, Анна вскипятила воду на маленькой походной печке с газовой горелкой, заварила кофе и отправилась к воде. От катера уже не осталось никаких следов. Уединение было полным. Ей хотелось перевести дух перед тем, как спланировать работу. Работа очень важна, только она может отвлечь от черных мыслей. Анне нужно было перевести на русский со шведского книгу «История Лапландии». Ее написал Карл Тирен, шведский фольклорист и исследователь саамского языка, известный в основном как собиратель йойков, саамских песнопений. В основу книги легли его путевые заметки и дневники, которые он вел во время экспедиций в Лапландию. Нужно быть внимательной, вникать в каждую строчку, и тогда все ее страдания отойдут на второй план. Пусть все ее беды сгинут на этом острове, нет смысла расчесывать раны. Разве что вспомнить в последний раз...

...Анна и Игорек познакомились на втором курсе. Диско-тека в студенческом клубе, полумрак, дым коромыслом, от басов стены ходят ходуном. Анна стояла у стены с пластиковым стаканчиком вина, и чувствовала себя лишней. Подруги пошли танцевать и куда-то исчезли. Анна огляделась: никого с их курса. Ребята приходили компаниями, по трое-четверо, никто ее не замечал. Она решила, что немного постоит и уйдет, если никто ее не пригласит. И тут подошел кра-

сивый парень Игорек и позвал танцевать. От него пахло не перегаром, а свежестью и чем-то цитрусовым. Зубная паста и мужские духи? Мятная жевательная резинка? За первым танцем последовал второй, потом Анна отправилась искать подруг, но так и не нашла их в переполненном темном зале. Игорек снова позвал ее танцевать, а потом пошел провожать. Им было легко друг с другом, как будто они были знакомы сто лет. В юности люди сходятся просто потому, что молоды, их тела тянутся друг к другу, чтобы сплетаться вместе, а разницу характеров и целей они просто не замечают, пока не кончится тяга друг к другу.

Игорек учился на экономическом, Анна — на филологическом. Они вместе ходили в театры и в кино на ретропоказы, гуляли по выставкам, по городу, по каким-то клубам и вечеринкам. Игорек, изучающий финансы и кредит, фонтанировал идеями о стартапах. Анна познакомила его со своей компанией с факультета скандинавской и нидерландской филологии, Игорек часто знакомил однокурсников с красивыми филологинями. Возникали любовные союзы цифр и слов, некоторые из них оказались прочными и привели к браку. Игорек и Анна были молоды, разница их миров не пугала, а притягивала. Он с удовольствием слушал ее переводы со шведского, а она — его рассказы о силе денег и умении с ними обращаться. Ей казалось, что он-то вполне овладел этим умением, как колдун, подчинивший себе какую-то стихию. К самым деньгам Анна относилась спокойно, пото-

му что у них в доме все к ним так относились.

А вот с родителями Игорька была другая история.

Они жили в большом доме с пафосной мебелью. Отец, Иван Афанасьевич, работал в городской администрации, мать, Елена Андреевна, — в министерстве образования. Родители Игорька были милыми людьми, видимо, они считали, что сыну пойдет на пользу общение с приличной образованной девушкой. Скорее всего, они не думали, что эта связь закончится браком: так, студенческий роман. Анна толком и не общалась с ними, пока Игорек не сделал ей предложение на четвертом курсе. Игорек и Анна сообщили, что собираются пожениться, и тогда Анне устроили допрос с пристрастием.

— Так, значит, Анечка, твои родители ученые? — спросила Елена Андреевна, подавая чай в тонкой фарфоровой чашке, которую Анна боялась уронить.

— Да, — сказала Анна. — Мама океанолог, а папа гляциолог.

— Замечательно.

Анна поняла, что мама Игорька не знает, как к этому отнестись.

— А чем занимается гляциолог? — продолжала Елена Андреевна. — Извини, я далека от... от таких профессий.

Она не хотела задеть Анну, но все равно это прозвучало так, будто родители невесты занимаются чем-то несусветным.

— Лена, ну что ты говоришь? — вступил в разговор Иван Афанасьевич. — Гляциологи изучают льды.

— А зачем его изучать? Ну лед и лед... Прости, Анечка, я правда не понимаю. Наверно, нужная профессия.

Анна пожала плечами.

— Наверно. Папа доктор наук, его часто приглашают на международные конференции. Плохо, что он постоянно в разъездах... Как и мама.

— Мама в океанах, муж во льдах... Они, наверно, редко видятся? Ума не приложу, как при таких профессиях они вырастили такую серьезную воспитанную дочь.

Анна рассмеялась. Она была молода и не умела распознавать скрытые шпильки. А может, и не было никаких шпилек...

— Да как-то вырастили. Как могли.

Родители Анны были знакомы с Игорьком и видели, что парочка влюблена друг в друга. Они тоже не думали, что дочь так рано соберется замуж. Парень им нравился, но будет ли он хорошим мужем? Анне хотелось поздравлений и бурного одобрения, но мама только сказала:

— Одобрим мы или нет, ты все равно выйдешь за него замуж. Так что какая разница? Не злодей какой, вроде приличный парень...

Папа спросил:

— Ты хорошо подумала? Ранние браки, знаешь ли... Может, подождете немного со свадьбой? Ну встречаетесь, мо-

жете пожить здесь, нас с мамой все равно дома почти не бывает.

Анна рассердилась.

— Вы так говорите, будто это прихоть какая-то. Порадовались бы за меня: ведь Игорек такой, такой...

— А какой? — спросил папа. — Ответь, ну какой он? Ты уверена, что можешь провести с ним... даже не всю жизнь, а хотя бы пару лет? Вы встречаетесь всего ничего. У него своя тусовка, у тебя своя.

— Кто бы говорил? У вас с мамой вообще разные стихии, у одной вода, у другого лед.

— Лед тоже вода, — сказал папа. — Скажу прямо: не пойму я твоего парня. Закрытый он какой-то. Не Игорек, а Игрек. Смотри не обожгись.

Прозвище Игрек так и прижилось в семье, хотя при ней родители старались его не употреблять. Со временем она привыкла — Игрек так Игрек.

Игорь, надо сказать, тоже относился к родителям Анны немного настороженно, но старался им понравиться. За столом, когда ее папа открывал бутылочку, а мамаставляла на стол блюда одно лучше другого, все расслаблялись, откуда-то появлялись общие темы, и Игорек как будто бы постепенно становился членом семьи. Папа находил интересными его рассуждения о стартапах и капиталах, Игорек вникал в особенности папиных льдов и маминых обитателей морских глубин. Родители, впрочем, не особенно мучили его профес-

сиональными разговорами, понимая, насколько он от них далек.

Пышную свадьбу решили не играть. Молодые расписались, посидели с друзьями и родителями в ресторане и отправились жить к Анне, благо ее родители вскоре уехали на полгода.

Первые годы были неплохими. Они так и жили у Анны, в квартире, куда родители заезжали, по их словам, только дух перевести. Иногда мама привозила деда Марка, своего отца, из Красноярска, который он не желал покидать. Анна выбрала специализацией шведский язык, занималась переводами и репетиторством. Игорек работал в банке, куда ему помог устроиться отец, и мечтал, что когда-нибудь у него будет собственный банк.

Постепенно Анне стало казаться, что их жизнь застыла, как муха в янтаре. В ней ничего не менялось. Игорь пропал на работе, она с головой ушла в переводы, письменные и устные, преподавание, походы с друзьями и прочие дела. Игорь (уже не Игорек) как-то постепенно отошел от совместных развлечений: они уже не ходили вместе в кино, не отправлялись в велопоходы, не отдыхали у моря и в прочих местах. Игорек говорил, что их отпуска не совпадают. На самом деле Анна могла устроить себе отпуск в любой момент, подстроившись под график мужа. Но почему-то в последний момент все срывалось.

— Меня не отпускают, — вздыхая, говорил он. — Я не

могу подвести Эльдара, ты же знаешь.

Игорек, Игорь, Игрек.

Он сменил несколько банков, пока не остановился на небольшом частном банке, хозяином которого был его однокурсник Эльдар. По словам Игоря, вся работа была на нем, Эльдар же параллельно занимался несколькими финансовыми проектами, в том числе трейдерством на фондовой бирже.

Анна с Игорем еще смеялись, еще занимались любовью. Но все это механически, без огонька. Страсть ушла, а смысл совместного проживания двух разных людей так и не появился. Их могли бы объединить дети, но их не было.

Родители Игоря все чаще заговаривали о внуках.

— Когда уже? — спрашивала свекровь. — Пора ведь. Вам обоим под тридцать, а вы все еще...

Анна сама удивлялась. Никаких противозачаточных они не использовали, но детей не было. Большинство ее подруг уже отходили с колясками, вышли из декрета и отдали детей в сад. Несколько раз Анна сходила к врачу, исследования не показали никаких отклонений. Ей прописывали витамины, цинк и селен, инозитол... Игорь сам покупал их и следил, чтобы Анна вовремя принимала желатиновые капсулы.

Игорь тем временем наращивал капитал. Сначала небольшой, потом побольше. У него завелись большие деньги. Он часто летал в командировки, посещал корпоративы, о которых рассказывал с таким восторгом, что ей становилось не

по себе. Однажды он взял ее с собой на такой корпоратив, но Анна не нашла в нем ничего интересного. К тому же было понятно, что в это сборище не брали ни жен, ни мужей.

Игорь потом со смехом рассказывал, что его коллеги волновались, не проболтается ли Анна женам о присутствующих там красотках модельной внешности.

— Я им сказал, что ты знать не знаешь их жен, — говорил Игорь.

С женами познакомить ее не сочли нужным, а на фоне моделей она чувствовала себя инородным телом. Анна была привлекательной, но особо не заморачивалась на эту тему. Она любила красивую одежду, но долго подбирала ее под себя, и названия модных брендов ни о чем ей не говорили. Кроме того, бабушка еще в детстве научила ее шить, и отрез какого-нибудь эффектного твида волновал ее больше, чем бирочка на одежде от Карла Лагерфельда.

Игорь пару раз подарил ей брендовые вещи. Анна благодарила, но почти не надевала их, разве что изредка, чтобы не обидеть мужа. Постепенно он перестал приглашать ее в компанию его новых друзей, да она только рада была.

Их жизни постепенно становились параллельными, точек соприкосновения почти не осталось.

Однажды Анна вернулась после занятий с ученицей и захотела выпить чаю. Ее ромашковый чай кончился. У Игоря были отдельные коробки под чай, и она решила заглянуть и в них. Потрясла одну — и услышала, как внутри что-то шур-

шит. Что-то не сыпучее. Открыв коробку, она увидела упаковку какого-то лекарства. «Линдинет 20», прочитала Анна на бело-желтой пачке. Этинилэстрадиол плюс гестоден.

Несколько мгновений Анна стояла в полной растерянности. Она вытряхнула блистер из пачки: в нем осталось несколько таблеток. Куда делись остальные?

И тут ее осенило. Она выгребла с полки все свои биодобавки и витамины с желатиновыми капсулами. Осторожно стала открывать капсулы одну за другой. С цинком и селеном все было в порядке. Инозитол... Она открыла капсулу и увидела внутри таблетку, такую же, как в блистере линдинета. Анна села на стул в кухне, держа в руках упаковки с двумя лекарствами. Она уже не искала своей находке какое-то другое объяснение, кроме самого очевидного. Она просто опешила.

Хлопнула входная дверь. Она услышала, как Игорь возится в коридоре, переобуваясь в тапки. Вот он переодевается в своей комнате, направляется на кухню и входит.

— Как ты, Анечка?

Она, не говоря ни слова, выложила на стол линдинет и открытую капсулу инозитола. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга, и Анна ощущала почти физически, как рушится и осыпается ее жизнь. Как зола на ветру.

Игрек не выдержал первым.

— Ладно, что уж теперь. Ты все знаешь. Да, я не хочу детей.

— От меня? Или вообще?

— И вообще, и от тебя. Какая разница? Я только-только встаю на ноги. Дети все осложняют.

Ярость душила Анну, мешала ей говорить.

— И ты подсовывал мне эту дрянь, чтобы не было детей?

— Ну так это лучше, чем... Ты что, предпочла бы аборт?

— Я предпочла бы развод.

Он удивился:

— Да зачем развод? Я вообще не собирался с тобой разводиться. Разве нам плохо вдвоем? Ну, может, могло бы быть лучше, так ведь нет идеальных браков. Мы хорошо друг друга знаем, не раздражаем, притерлись, обросли друзьями, у нас семья... Анечка, ну что ты? Зачем нам дети, ведь и так хорошо. А с ними, возможно, все было бы хуже.

Анна задыхалась от потрясения и гнева и не находила слов.

— Ты жил со мной семь лет. Ты ел со мной за одним столом, спал в одной кровати, трахался и говорил, что любишь. У нас общие друзья и общий дом. И все это время ты подкармливал меня... этим? Под видом лечения от бесплодия?

Это звучало слишком театрально, но Анна ничего не могла с собой поделать. Голос ее дрожал.

— А что ты хотела? — пошел в наступление Игорь. — Да, мы не очень подходим друг другу. Ты, ты... синий чулок. Посмотри на себя. Как ты одеваешься, как отдыхаешь? Я устал от дурацких велопоходов, в которые ходят твои уродины-по-

други и ботаники-друзья. Устал от твоих вечных свитеров и джинсов, доморощенных тряпок и собственноручных стрижек. От твоей болтовни про саги и эпос. В тебе нет блеска, тебе не хочется угождать, не хочется бросить мир к твоим ногам! А во что ты превратишься с детьми, даже представлять не хочется.

Анна задыхалась от бешенства.

— Все это причина для развода, а не для того, чтобы травить меня каким-то дерьмом! А что ты мне завтра подсунешь, когда решишь, что брак окончательно себя изжил?

Неизвестно, сколько бы это продолжалось, но тут трагедия превратилась в фарс. Дверь из комнаты Анны неожиданно распахнулась, и в кухню вошел дед Марк с палочкой.

— Ой, дед, — растерялась Анна. — Я не знала, что ты здесь... Ты меня напугал.

— Здравствуйте, — выдавил из себя Игорь.

Дед Марк вздохнул, чуть прищурив добрые бледно-голубые глазки. Анна заметила, что он поудобнее перехватывает палку под набалдашником. В ту же секунду палка взвилась в воздух и опустилась Игорю на плечо. Не отшатнись он инстинктивно, удар пришелся бы по голове.

— Ах ты, стервец, — ласково сказал дед и снова поднял палку.

На лице Игрека появилось странное выражение. Его явно никогда не били, и теперь он переваривал новое ощущение. Дед времени не терял. Палка снова взметнулась, Игорь было

шагнул вперед — то ли перехватить палку, то ли дать сдачи 85-летнему старику. Это было ошибкой: палка ткнула его точно в солнечное сплетение, и он сложился пополам. Воспользовавшись этим, дед атаковал снова, и пара ударов обрушилась на плечи Игоря. По-бабьи взвизгнув, кашляя, согнувшись в три погибели, он прямо в тапках выскочил из дома, едва успев прихватить с собой сумку.

Анна, остолбенев, смотрела на деда. Тот лукаво улыбнулся и пожал плечами. И тут их двоих разобрал смех. Дед сел на стул, чтобы конвульсии не свалили его на пол. Анна, едва успокоившись, снова вспоминала выражение лица Игрека, и все повторялось. В разгар этого смехового приступа дверь снова хлопнула. Пришла мама. Как выяснилось потом, она завезла деда Марка домой и отправилась в аптеку купить ему таблетки.

— Что здесь происходит? — грозно спросила она. — Папа, что ты опять натворил? Почему Игрек выбежал из дома как ошпаренный, в одних тапочках? Аня? Что с тобой, девочка?

Смех перешел в рыдания. Анна сбивчиво говорила о таблетках, о том, почему у них нет детей, о том, что в ней нет блеска и она не соответствует мужу... Дед важно кивал головой. Мама плеснула ей в стакан немного коньяка и заставила выпить, дед потребовал свою долю и получил ее.

Когда мама наконец поняла, что произошло, в ее глазах загорелся желтый тигриный огонь. Она прошипела сквозь

стиснутые зубы:

— Его должны были вынести отсюда на носилках. Слышишь, папа? На носилках!

Дед Марк вздохнул и развел руками — силы, мол, уже не те.

Дед Марк всю жизнь мотался по геологическим партиям и славился крутым нравом. Этот нрав не раз выходил ему боком: однажды он набил не ту морду и загремел в тюрьму на пару лет. Вышел и снова отправился по экспедициям. Он был знаком с невероятным количеством людей всех сословий и мест обитания. В его старческом теле жил неукротимый дух.

Мама, тоже хлебнув коньяка, постепенно успокоилась.

— Ладно, — сказала она. — Забудем. Игрек он и есть Игрек. Неизвестная величина.

— Очень даже известная, — фыркнул дед Марк. — Игрек равен нулю.

И, как ни в чем не бывало, отправился спать. Драка в его возрасте отнимает много сил.

Папу решили в историю не посвящать.

Игрек и Анна развелись быстро и без лишних слов: просто разошлись в разные стороны, забрав свои паспорта со штампами. Им нечего было сказать друг другу. У Анны после этого наступила страшная депрессия. Нет, она не горевала о погибшей любви: ее, как выяснилось, не было. Но у нее не укладывалось в голове, как он мог годами пичкать ее

таблетками, как кошку в течке, чтобы не беспокоила хозяев криками. Как она могла не заметить, что...

... Почувствовав, что опять падает в круговорот черных мыслей, Анна поднялась с камня. Она успела замерзнуть на берегу. Поежившись, она отправилась в домик, расстелила постель и впервые заснула крепким сном без сновидений. Перед тем как провалиться в сон, она успела подумать, что правильно сделала, приехав сюда.

Глава 3

Утром Анна впервые проснулась в половине десятого, чего не случалось уже давно. Полную тишину нарушал только шум ветра и скрип старых досок — то ли в доме, то ли на маяке. Заварив кофе, она вышла из дома с чашкой в руках. Чайки чертили серебристый след в небе, время от времени пикируя к воде и снова взлетая. Какой тут покой, какая тишина. Никто не звонит узнать, как дела, нет привычной общей постели, нет запаха другого человека, с которым она прожила семь лет — и никакой памяти о нем. Здесь, на острове, все будто обнулилось, вся прежняя жизнь осталась там, за горизонтом.

Позавтракав, Анна принялась за перевод. Ноутбук удобно разместился на столе. Перевод «Истории Лапландии» ей устроили знакомые — по заказу какой-то международной организации, изучающей быт саамов. Книга была большой, пятьдесят авторских листов, — можно неплохо заработать. Но главным было другое: Анна, взявшись за работу, совершенно отключалась от внешнего мира и уходила в нее с головой. Дома отключение будет временным, а тут, в новой обстановке, другая картина.

Сначала книга показалась Анне слишком уж академической и сухой — через час работы она начала клевать носом. Подкрепившись дополнительной чашкой кофе, она прорабо-

тала еще часа три и решила основательно и не спеша прогуляться по острову. Середина мая, вот-вот должны начаться белые ночи, когда сумрак, едва начавшись, уже переходит в рассвет. Скоро она сможет гулять по ночам, не боясь, что ее ограбят или прилипнут с пьяными заигрываниями.

Анна накинула ветровку, прихватила пакет и нож на случай ранних грибов и неспешным шагом двинулась вглубь острова, в лесок. Может, попадутся сморчки или маслята? Какая-то ящерица, пригревшаяся на камне, не спеша вильнула хвостом и покинула нагретое место. Она явно не боялась человека — видимо, еще не успела близко познакомиться с людьми. «Во всяком случае, с живыми», — подумала Анна, вспомнив, что находится на Острове мертвых. Так же спокойно вели себя и птицы. А мертвецы и подавно никак себя не проявляли. Может, они выходят только в ночной крошечной тьме, а белые ночи им мешают?

Анна пожала плечами.

— Бояться надо живых, — пробормотала она.

Лесок встретил ее прохладой и особым грибным запахом. Раздвинув траву в первом попавшемся месте, Анна поняла, что не ошиблась: крепенькое семейство маслят будто ее дождалось. Аккуратно срезав их, Анна обнаружила, что грибов в леске полно: даже если закончатся все припасы, с голоду она не умрет. Она больше любила собирать их, чем готовить, но тут почему-то у нее разыгрался аппетит. Она наберет на сковородку, на жареху, и съест их на ужин. Провести

остаток дня за сбором грибов не входило в ее планы. Срезав еще несколько штук, она осторожно отправилась дальше.

Лесок скоро закончился, почва под ногами стала твердой, скалистой. Анна поднималась в гору. Впереди она увидела что-то странное: небольшие камни, разложенные в определенном порядке, напоминающем лабиринт. Что-то знакомое, где-то она читала про эти сооружения. Не дольмены, нет, что-то похожее... Слово вертелось на языке, но никак не вспоминалось.

Анна заметила, что перед входом в каменный лабиринт лежит какой-то предмет. Подойдя поближе, она увидела почерневшую от времени полусгнившую берестяную коробку. Может, в нее что-то клали те, кто приходил к этим камням? Неожиданно для себя Анна вытащила из пакета несколько грибов и положила к коробочкам, у входа в каменный лабиринт. Если это какой-то алтарь, то вот ее жертва, чтобы духи острова были к ней добры.

Обойдя лабиринт, она продолжила подъем. Идти становилось все труднее, и она уже собиралась повернуть обратно, как вдруг заметила следы на камнях. Кто-то уже поднимался тут до нее? Но Алик сказал, что остров необитаемый...

Она присмотрелась к следам. Непонятно, свежие они или нет, но видны отчетливо: мужская нога, судя по размеру, странная обувь, выпачканная в глине. Сапоги, наверно. Глина уже высохла, и, судя по всему, давно. Ну и что? Кто-то из рабочих, которых Алик нанял для ремонта, решил про-

гуляться по острову, как и она. Интересно, далеко ли он забрел?

Анна машинально пошла по следу, который то терялся, то снова проступал на скалах. Вскоре ей уже пришлось карабкаться вверх, цепляясь руками за редкие деревца: плавный подъем закончился. Она следовала за глиняными отпечатками все дальше и дальше.

Пока не уперлась в отвесную скалу.

Дальше дороги не было.

Анна вертела головой в разные стороны, пытаясь понять, куда свернул человек. Его следов не было ни справа, ни слева: он явно не пошел в обход.

И он не вернулся.

Анна повернулась спиной к скале, ища, где человек мог спуститься. Следов, ведущих в обратную сторону, не было. Что за черт?

Она подошла к скале вплотную и потрогала гладкую поверхность. Может, тут есть какая-то скрытая дверь? Но двери не было. На поверхности были какие-то выбоины. Может, он скалолаз и вбивал сюда крючья для подъема? Но отверстия были только на одном уровне, чуть выше ее головы. Она еще раз потрогала их. Неожиданно ее передернуло от неясного страха. Анна заторопилась назад. Она внимательно искала, не пропустила ли следы, ведущие обратно, но ничего подобного не было. Человек пришел к скале и исчез. Куда он делся?

Наверно, это какой-нибудь розыгрыш Алика или его рабочего. Он вымазал сапоги глиной, поднялся к скале, а потом переобулся и спокойно спустился вниз. Алик ведь собирался возить сюда туристов и продавать им местные ужасы. Что ж, неплохо придумано...

Вернувшись в домик, она снова уселась за «Историю Лапландии» и просидела над ней до вечера. Спустившись к воде, Анна попробовала ее рукой: за день вода прогрелась, вполне можно окунуться. Она разделась догола, зашла в воду по пояс, привыкая, а потом погрузилась полностью. Обжигающий холод стал ощущаться как приятная прохлада, и Анна на миг почувствовала себя абсолютно счастливой. Поплавав, она, отфыркиваясь, вышла на берег, вытерлась футболкой, надела брюки и ветровку и села на камень. Он еще не успел остыть и продолжал отдавать тепло.

— Боже, как хорошо, — сказала она вслух мечтательно.

И тут один из камней зашевелился. Анна пригляделась к нему и чуть не бросилась бежать: это был огромный тюлень, намного больше маленькой ладожской нерпы! Он лежал, сливаясь с поверхностью, но сменил позу: поднял голову и внимательно смотрел на Анну. Она вспомнила, что ладожские нерпы очень чувствительны к стрессу и даже могут от него умереть, поэтому не нужно ни приближаться к ним, ни убегать, крича от ужаса. Но перед ней был явно кто-то другой. Может, серый балтийский тюлень заплыл сюда неведомо как? Морской слон?

— Привет, — сказала она осторожно. — Ты не волнуйся, я немного посижу и уйду.

Как будто это чудище способно ее испугаться!

Черные глаза тюленя смотрели на нее непроницаемым взглядом. Он устроился поудобнее, положил голову на камень и продолжал разглядывать ее с любопытством натуралиста, как будто изучая новый вид. Он не делал попыток приблизиться или уплыть.

— Ладно, — сказала она неуверенно. — Я пошла. Приятно было познакомиться, завтра увидимся. Меня зовут Анна.

Она осторожно встала, подхватила кроссовки и неторопливо пошла к домику. Не нужно оглядываться, говорила она себе. Он меня не тронет.

Отойдя на безопасное расстояние, Анна оглянулась. Тюлень быстрыми рывками двигался к берегу. Последний рывок, всплеск — и он как будто растворился в воде.

Анна почувствовала неясную тоску, хотя еще минуту назад умирала от страха. Может, он еще вернется? Ей наконец захотелось, чтобы рядом был кто-то другой. Одиночество уже не было таким желанным.

Глава 4

На следующий день, умывшись и напившись кофе, Анна вновь принялась за работу.

«На территории Лапландии обнаружены следы человеческой деятельности, относящиеся к неолиту. Примерно с 100 года до нашей эры эти земли населяли саамы, которые в XVII столетии были вытеснены шведами далее на север.

В древности жители Северной Лапландии платили дань русским и норвежским монархам. Южная часть Лапландии до 1809 года принадлежала Швеции, а затем, по итогам Фридрихсгамского мирного договора, вся территория нынешней Финляндии, включая финскую Лапландию, отошла к Российской империи. Южная Лапландия оказалась разделенной на западную (шведскую) и восточную (финскую) части».

Анна помнила с детства, что в Лапландии живет Дед Мороз — Йолупукки, и что-то еще. Ах да: в Лапландии живет Снежная королева, если верить Андерсену. Старуха-лапландка помогает Герде найти Кая и пишет записку на сушеной треске...

Пальцы Анны выстукивали мерную дробь по клавиатуре.

«Плотность населения в Лапландии составляет примерно два человека на квадратный километр. Оленей же, по некоторым оценкам, столько же, сколько и людей. С древнейших времен это животное играло ключевую роль в хозяйстве и

культуре саамов.

Нынешние саамы сохраняют традиционный уклад жизни, основанный на оленеводстве, рыболовстве и, в меньшей степени, на земледелии. В семейном быту они спокойны и почтительны к старшим, гостеприимны и жизнерадостны, о чем свидетельствуют путешественники...»

Анна прочла следующий абзац — и глаза ее расширились от удивления:

«Особого внимания заслуживают священные места саами, именуемые ими сейдами (от саам. *seid* — священная земля). Сейдами становились скалы и озера необычной формы, ибо саами верили, что все необычное есть знак свыше. Обычно сейдами называли места, где почитались духи-покровители и приносились жертвы.

Особую разновидность сейдов составляют так называемые каменные лабиринты, или священные выкладки. Они представляют собой круги или спирали, выложенные из камней на земле. Назначение их до конца не ясно. Некоторые исследователи полагают, что они служили для жертвоприношений, другие видят в них календарные или астрономические сооружения. Саами уклоняются от прямого ответа, что может свидетельствовать о сокровенном, тайном характере таких мест.

У сейдов в качестве жертвоприношения оставляли пищу, кусочки материи, рыбу. По одной из саамских легенд, рыбаки, уходя в море, оставляли часть своей души на берегу в

каменном сейде, чтобы в случае их гибели ее не сожрало чудовище...»

Сейд! Вот какое слово вертелось у нее на языке при виде каменного лабиринта. Анне вдруг захотелось немедленно туда отправиться. Зачем — она и сама не знала, но любопытство было нестерпимым.

Анна сохранила текст и выключила компьютер. Онахватила с собой бутылку с водой, пару бутербродов, телефон, чтобы сфотографировать вчерашние следы, и шейный платочек в качестве жертвоприношения. Она положит его в ту же коробочку, в которую вчера положила грибы.

Анна спросила себя, зачем ей делать жертвоприношение, но потом пожала плечами. «Надо же как-то понравиться местным», — мелькнула мысль. Она была современной девушкой, ну и что? Бывают моменты, когда в людях просыпается магическое мышление. Анна вспомнила, как ее покойная бабушка, лет 40 преподающая математику в вузе, перевязывала ниткой ножку стула и говорила: «Черт, черт, поиграй да отдай!»

— Что ты делаешь, бабушка? — со смехом говорила Анна.

— Не могу найти ключи, весь дом перевернула, — отвечала расстроенная бабушка. — Осталось последнее средство.

— Стол и нитка?

— Да, стол и нитка, — серьезно подтвердила бабушка. — Меня мама научила, а маму — ее собственная мама, и так

далее. Кто я такая, чтобы им не верить? И вся сибирская деревня, в которой я выросла, так делала. Сейчас сама увидишь.

И действительно, через пару минут ключи нашлись на видном месте.

— А я что говорила? — торжествовала бабушка. — Убедилась?

Бабушка была образованной женщиной с прекрасным чувством юмора. И при этом — настоящим кладом всевозможных примет на все случаи жизни. Суровая сибирская жизнь к этому располагала. Дед Марк иногда дразнил бабушку, а она пожимала плечами.

— Вреда уж точно не будет, — отвечала бабушка.

Анна решила, что это разумно. Она привязывала свои белые ленточки к священным деревьям на Алтае и надевала красно-белые шерстяные браслеты в марте, когда бывала на Балканах. Не то чтобы она верила в их силу, но ей казалось, что это дань вежливости, если ты в гостях. Так что Анна положит платочек в корзинку. Вреда не будет.

В этот раз она быстро добралась до сейда — знала, куда идти. Проверила коробочку — грибы исчезли. Может, звери растащили? Но зачем, если грибы растут у них прямо под ногами?

Анна выложила платочек в корзину, аккуратно расправила его и обошла вокруг камней. Вдруг она остановилась как вкопанная: опять следы! На этот раз они вели в другую сто-

рону, не к скале. Что это? Кто-то заблудился? Или Алик ее морочит? Она ему позвонит, как только доберется до дома. А сейчас пойдет по следам.

След был все тот же, Анна была уверена. Скалистая почва сменилась песчаной, и ней тоже отчетливо были видны следы. «Свежие, — подумала Анна. — Иначе давно бы исчезли». Ну что ж, значит, она имеет дело с человеком, а не с духом этих камней. Как будто могло быть иначе!

На этот раз след вел под горку, но не к ее домику, а забирал левее. Она так сосредоточилась на следах, что почти не смотрела вокруг. Пока следы не оборвались у двери какого-то строения. Анна остановилась. Кто-то засел внутри? Она прислушалась: тишина. Куда он делся?

Набравшись храбрости, Анна потянула дверь на себя. Та со скрипом поддалась. Внутри было темно, как в склепе: в помещении было единственное крошечное окно под низким потолком. Включив фонарик на телефоне, Анна вошла внутрь. Пыль на столе, на стенах, на полу. И никаких следов. Поводив фонариком по стенам, Анна увидела сундук у стены с окном, осторожно подошла к нему и открыла крышку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.